

5.2 Обзор альтернативных исследовательских подходов

Основные исследовательские подходы, рассматриваемые для оценки эффективности проекта «На зелёной горке холст ткут» были сформулированы, ориентируясь на то, что выявление и описание изменений (ценностные, поведенческие, установочные, идентичностные, инфраструктурные и др.), происходящих в обществе под воздействием креативного (творческого) проекта и тестирование различных исследовательских подходов/оценочных дизайнов явление сложное и многогранное.

Первый подход — реалистическая оценка — выбран в качестве основного, так как он наиболее адекватен для анализа институциональных и управленческих эффектов. Второй подход — нарративный — предложен как альтернативный. Третий подход — интегративный оценочный дизайн, сочетающий элементы двух теоретических подходов.

Реалистический подход

Для оценки эффектов проекта «На зелёной горке холст ткут» выбран реалистический подход, где важно определить не только результат, получаемый от запланированных действий, но и определить тот результат, который проявляется дополнительно у его участников.

Данный подход обосновывался в исследованиях Р. Паусона и Н. Тилли [9, 10] и получивший в последние годы широкое распространение в практике оценки социальных и культурных программ. Данный выбор обусловлен ориентацией на выявление институциональных и управленческих эффектов проекта, что требует анализа не столько достижения формальных показателей, сколько понимания того, почему, при каких условиях и для кого проект оказывает влияние, какие управленческие практики, институциональная среда формируется, как в этом отражается динамика процесса формирования устойчивого сообщества.

Теоретическое обоснование. Реалистическая оценка базируется на научном реализме и предлагает альтернативу как неоклассическим

экспериментальным дизайнам (ориентированным на вопрос «Что работает?»), так и интерпретационным подходам, фокусирующимся исключительно на субъективных смыслах. Ключевая формула реалистической оценки — контекст — механизм — результат, согласно которой проект, его «вмешательство» приводит к результатам не автоматически, а через активацию определённых механизмов, которые срабатывают (или не срабатывают) в зависимости от контекста.

Таким образом, применительно к рассматриваемому проекту данный подход позволяет рассматривать все события и мероприятия, серию фестивалей в рамках проекта как особое «вмешательство» в институциональную среду, а организационную деятельность — как совокупность ресурсов и идей, которые запускают у различных категорий участников механизмы, ведущие к изменениям в практиках управления, партнёрских взаимодействиях и государственно-частных коммуникациях.

Цель и фокус оценки. В рамках такого подхода при оценке результатов проекта фокус смещается с вопроса «Достигнуты ли плановые показатели?» на вопросы «Какие механизмы управления были задействованы/созданы проектом?», «В каком контексте эти механизмы оказались эффективными?», «Какие институциональные изменения (формальные и неформальные) произошли в результате реализации проекта?». Основное внимание уделяется управленческим эффектам: изменениям в подходах органов власти к поддержке ремесленников, интеграции элементов проекта в образовательные программы, появлению новых форматов межсекторного взаимодействия и устойчивых партнёрств.

Методы и источники данных. Дизайн исследования предполагает использование смешанных методов с доминированием качественной компоненты. В качестве основных методов сбора данных используются:

- глубинные полуструктурированные интервью с организаторами проекта, представителями органов власти (Администрация Сысертского ГО, Министерство инвестиций и развития Свердловской области),

руководителями образовательных учреждений, лидерами сообщества мастеров;

- анализ документов (письма поддержки, соглашения о сотрудничестве, стратегии развития территории, протоколы заседаний);
- наблюдение (включая анализ фото- и видеофиксации взаимодействий на фестивале).

Количественные методы (анкетирование участников фестиваля) используются как вспомогательный инструмент для контекстуализации качественных выводов и оценки масштаба распространённости выявленных механизмов.

Логическая модель исследования. В рамках реалистического подхода теория изменений в рамках реализации проекта будет заключаться в следующих предположениях:

Гипотеза 1 (институциональный эффект): Если проект демонстрирует высокую социальную значимость и публичную успешность, то он активирует механизм «политического внимания» у представителей местной администрации, что ведёт к включению тем ремесленного развития в муниципальные стратегии и программы, нормативно-правовые акты, реальную управленческую практику.

Гипотеза 2 (сетевой эффект): Если в проекте участвуют представители разных секторов (бизнес, НКО, образование, власть), то совместная деятельность запускает механизм «формирования доверия и общих целей», следствием чего будет появлением устойчивых коопераций, сообществ.

Гипотеза 3 (эффект преемственности): Если в проекте налажена передача навыков от опытных мастеров к молодежи и детям через практические занятия, то активируется механизм «осознания ценностей», ведущий к формированию у молодёжи профессиональной идентичности и желания продолжать ремесленные практики.

Вывод:

Таким образом, такой подход позволяет:

- не ограничиваться только проверкой выполнения формальных KPI, а выявить почему и при каких условиях проект работает (или не работает);
- учесть многоуровневость воздействия — от индивидуального (развитие навыков у конкретных индивидов) до социального (укрепление локальной идентичности, развитие креативной экономики);
- усилить практическую полезность результатов оценки возможно для последующего развития проекта или масштабирования его результатов и методики оценки подобных проектов.

Границы применимости. Наибольшую эффективность реалистический подход демонстрирует при исследовании сложных многофакторных проектов, где важно учитывать конкретные обстоятельства и факторы, приводящие к изменениям, а не только конечный результат. Тем не менее, такой метод обладает определёнными недостатками: он подразумевает большие затраты времени на сбор и обработку качественной информации, а также высокий уровень подготовки специалиста, способного выявить и сформулировать ключевые механизмы. К тому же, реалистическая оценка ограничена в тех случаях, когда необходимы строгие статистически обоснованные доказательства причинно-следственных зависимостей мероприятий проектов и их результативности, либо возникают трудности с получением сведений от ключевых участников процесса.

Нарративный подход

Нарративный подход рассматривался в качестве альтернативного. Основания данного метода видятся в концепциях нарративной психологии и социологии, разработанных в трудах Джерома Брунера [6, 7, 8] и исследованиях результативности и влияния изменений в сфере культурной политики в рамках отечественных исследований исторической политики [1, 2]. Этот метод направлен на анализ процесса построения и интерпретации участниками проектов собственных историй своего вовлечения, а также на выявление того, каким образом эти изменения и повествования о них

выражают трансформации их ценностей, самоидентификации и восприятия окружающей институциональной среды.

Теоретическое обоснование. Нарративная оценка исходит из предположения, что люди осмысливают свой опыт и придают ему значение через рассказывание историй. Изменения, происходящие с участниками проекта, — в том числе изменения в их отношении к традиционным ценностям, к истории, к институтам власти и сообществу — находят отражение в изменениях нарративов: в сюжетах, в ключевых персонажах, в оценках событий. В исследованиях О.А. Вальгер доказывается, что использование нарративного подхода позволяет на основе глубинных интервью определить особенности национальной идентичности [1]. В рамках оценки культурных проектов нарративный подход позволяет зафиксировать не только фактические изменения (например, количество установленных партнёрств), но и то, как эти изменения осмысляются и переживаются участниками, как они встраиваются в их личные истории профессионального и гражданского становления.

Цель и фокус оценки. Фокус нарративной оценки сосредоточен на выявлении изменений в ценностных приоритетах, идентичности (включая профессиональную и локальную идентичность) и картине мира участников. В контексте настоящего проекта особый интерес представляют нарративы о преемственности поколений («мне передали знания мои бабушка/мастер», «я хочу передать это детям»), нарративы о гордости за малую родину и культурное наследие, а также нарративы, фиксирующие изменения в восприятии органов власти и институциональной среды («раньше нас не замечали, а теперь администрация сама приходит и спрашивает, чем помочь»).

Методы и источники данных. Основным методом сбора данных выступает нарративное интервью — особая форма глубинного интервью, в котором респондента побуждают к свободному, хронологически организованному рассказу об истории его участия в проекте. В отличие от полуструктурированного интервью с заранее заданными вопросами,

нарративное интервью минимизирует вмешательство интервьюера, позволяя респонденту самостоятельно отбирать и структурировать значимые для него события. Дополнительными методами могут выступать анализ нарративов, представленных в открытых источниках (отзывы в социальных сетях, записи в книге отзывов, посты участников), а также метод незаконченных историй, когда респондентам предлагают завершить нарратив о будущем сообщества мастеров. Анализ полученных нарративов предполагает тематическое кодирование, выявление ключевых сюжетных линий, анализ разрывов и противоречий в нарративах, а также сопоставление нарративов различных групп участников.

Логическая модель исследования. Нарративная оценка в меньшей степени опирается на формальную теорию изменений и в большей — на предположение о том, что изменения в нарративах являются одновременно *индикатором* и *механизмом* изменений субъективных смыслов. Базовое предположение: участие в проекте предоставляет участникам новый опыт и новые социальные связи, что неизбежно требует пересмотра и пересказа их личной истории. Этот процесс нарративной реконструкции, в свою очередь, укрепляет позитивные изменения в идентичности и ценностных установках (в том числе в приверженности ценности «историческая память и преемственность поколений»), закрепляя их на уровне личного смысла.

Границы применимости. Нарративная оценка обладает рядом преимуществ: она даёт доступ к глубинным, субъективно значимым изменениям, которые трудно уловить формализованными опросниками; позволяет зафиксировать неожиданные, не предусмотренные исходным дизайном эффекты; создаёт эмпатический, доверительный контекст взаимодействия с респондентами, повышая достоверность получаемых данных. Однако у этого подхода есть и существенные ограничения. Во-первых, нарративные данные чрезвычайно трудоёмки в сборе и анализе (транскрипция, кодирование, интерпретация одного часового интервью может занимать до 10–15 часов рабочего времени). Во-вторых, нарративы

подвержены эффекту ретроспективной рационализации: с течением времени участники могут пересматривать и реконструировать свои истории в сторону большей когерентности и позитивности, что искажает представление о реальных изменениях. В-третьих, нарративная оценка требует высокой квалификации интервьюера, владеющего техниками активного слушания, минимизации наводящих вопросов и способности удерживать респондента в нарративном (а не дискурсивно-аргументированном) режиме. В-четвёртых, субъективные нарративы участников могут существенно расходиться как между собой, так и с объективными данными (например, о реальном количестве заключённых партнёрств или о финансовых результатах проекта), поэтому нарративная оценка целесообразна лишь в комбинации с другими методами, обеспечивающими верификацию выводов.

Интегративный оценочный дизайн, сочетающий элементы двух теоретических подходов.

Теоретическое обоснование. В основе оценочного дизайна лежит синтез трансформационного подхода, акцентирующего изменения в ценностных ориентациях и идентичности участников как результат их вовлечения в проектную деятельность, и поведенческого (бихевиорального) подхода, фокусирующегося на регистрации конкретных действий, практик участия и намерений, выраженных в установочных вопросах. Данный синтез позволяет оценивать не только декларируемые ценностные сдвиги, но и их поведенческие корреляты — от готовности к участию до создания реальных творческих продуктов. Ценность, например, в сознании целевых групп возможно измерять через её образ и смысловую идентификацию (устойчивое убеждение), психологическую установку (аттитюд как склонность к действию) и само действие — конкретное проявление установки в определённых обстоятельствах. Тем самым реализуется уровневая модель формирования ценностей, восходящая к классическим работам М. Рокича и современным адаптациям в российской прикладной социологии.

Цель и фокус оценки. При оценке эффективности проектов возможно определять как в связи с ним актуализируются форматы творческой самореализации детей и молодежи, стимулируя развитие их креативности и восприятие созидательного труда как ценности через создание нового, практически полезного продукта. Также возможна оценка формирования привязанности к месту жительства (району, городу), связанной с локальной идентичностью, обладающей уникальными для территории идентификаторами (смыслами и ценностями). Важной методологической особенностью является учёт поколенческой специфики и определение того, как проект позволяет молодым людям самореализоваться в творческом труде, осознавать его как ценность и получать социокультурный продукт, значимый для общества.

Методы и источники данных. Дизайн предполагает многоаспектную стратегию сбора данных, где используются количественные и качественные методы. Количественный блок может быть представлен массовым анкетированием различных категорий участников. В рамках качественных методов традиционно используются экспертные и групповые интервью. Также могут быть использованы анализ документов и контент-анализ активности в социальных сетях, информационных ресурсах.

Логическая модель исследования. Каждый проект способен выступать в роли своеобразной площадки или поля возможностей (особой «среды»). Посредством участия в различных событиях такой «среды» в рамках проекта — будь то экспедиции, занятия творчеством, хакатоны, экскурсии, создание музеев, работа творческих акселераторов, фестивалей современного искусства либо посещение промышленных предприятий — участники получают стимул к саморазвитию посредством творческой активности. Запуск механизма самовыражения и раскрытия творческого потенциала происходит благодаря следующим условиям: привлекательному содержанию и актуальным вопросам, наличию благоприятной социальной атмосферы и креативного окружения («коллектив единомышленников», дружеские отношения),

возможности реализации собственных задумок, поддержке организаторов и технической инфраструктуре, а также публичному признанию достижений участников.

Итоговыми результатами проекта становятся три компонента: во-первых, оригинальные творческие работы, созданные участниками; во-вторых, позитивные перемены в мотивации людей (ощущение удовлетворённости процессом самореализации, стремление принимать участие в дальнейших инициативах, желание самостоятельно инициировать новые проекты); и, наконец, формирование ценности опыта участия и взаимодействия в подобном проекте.

Границы применимости. При этом комбинация таких подходов также не лишена ограниченности. Совокупность количественных методов сбора данных фиксируют лишь выраженные перемены в самоидентификации, интересах и планах участников, однако не отражают процесс устойчивого усвоения ценностей и формирования прочных поведенческих моделей; фактически фиксируется мгновенное впечатление, а не долговременные трансформации.

Качественные методы (интервью) не претендуют на репрезентативность, а при групповом интервью общий опыт и эмоциональное единство могут формировать схожие оценки, снижая вариативность мнений. Добровольный характер участия в опросах вносит элемент субъективности и ограничивает репрезентативность. Помимо собственно методологических ограничений, можно выделить организационные и коммуникативные вызовы: разный язык/дискурс стейкхолдеров (исследователи — организаторы — участники), противоречия в целеполагании (ориентация организаторов на процесс и непосредственные результаты, а заказчики и участники ожидают социокультурные эффекты), размытость методологических рамок из-за несоответствия стандартных критериев оценивания особенностям конкретного проекта, дефицит временных и материальных ресурсов у всех взаимодействующих субъектов, а также недоверие к компетенции

исследователей со стороны партнёров. Указанные ограничения носят как эпистемологический, так и институциональный характер, что требует особой осторожности при генерализации выводов и разработке рекомендаций.

Список использованных источников

1. Вальгер О.А. Нарративная национальная идентичность как история личного участия в глобальных процессах // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. – 2023. – Т. 17, № 1. – С. 17- 49.
2. Казьмина В.П. Реконструкция исторического парка «Россия – моя история»: смена вектора символической политики? // Политическая наука. – 2020. – № 2. – С. 143–162.
3. Карпова О. В., Невердовская М. А., Синяева О. Ю. Целевые показатели национального проекта «Культура» в контексте международной практики: эффективность управленческого инструментария и потенциал влияния на развитие сферы культуры [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 5. С. 62–88. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1103> (дата обращения: 08.05.2026).
4. Кутузова Д.А. Введение в нарративную практику // Журнал практического психолога. – 2011. – № 2. – С. 23–41.
5. Тульчинский Г. Л. Гуманитарная экспертиза и социальная семиотика: возможности регионального социокультурного проектирования // Человек. Культура. Образование. – 2022. – № 1(43). – С. 101-113.
6. Bruner J.S. Actual minds, possible worlds. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987.
7. Bruner J.S. Acts of meaning. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.

8. Bruner J. Self-making and world-making // Journal of Aesthetic Education. – 1991. – Vol. 25, No. 1. – P. 67–78.
9. Pawson R. The Science of Evaluation: A Realist Manifesto. – London: Sage Publications Ltd, 2013. – 240 p.
10. Pawson R., Tilley N. Realistic Evaluation. – London: Sage Publications Ltd, 1997. – 256 p.
11. Price H., Domoney J., Ariss S., Hughes E., Trevillion K. Documentary Analysis Within a Realist Evaluation: Recommendations From a Study of Sexual Assault Referral Centres // International Journal of Qualitative Methods. – 2021. – Vol. 20. – P. 1–13.
12. del Barrio Tellado M.J., Espinosa Casero F., Gómez Zapata J.D., Herrero L.C. Cultural Policy Evaluation: Benchmarking Stakeholders' Preferences Using The Analytic Hierarchy Process Technique // EKONOMIAZ. Revista vasca de Economía. – 2025. – Vol. 107, No. 01. – P. 198–229.